

2
X65

БЕСЕДЫ РЕЛИГИИ

А. Хмельницкая

**Христианская
любовь:
что это
такое?**



1970

А.Хмельницкая

**Христианская
любовь:
что это
такое?**

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

1970

В брошюре рассказывается, что представляет собой христианская любовь, каковы подлинный смысл и цели помощи, заботы друг о друге в среде верующих, как соотносится с жизнью религиозный догмат всепрощения и искупления. Показывается, как понимают дружбу и товарищество атеисты, что представляет собой гуманизм коммунистов.

Тихо, прохладно в старинной церкви. Полумрак, мерцание свечей, тусклый блеск иконостаса. Мерно звучит голос священника. Проповедь.

О любви к человечеству, благословляемой христианской религией, говорит сегодня отец Никодим.

«Любите друг друга, любите ближнего своего, как самого себя». «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится... все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит», — падают в церковную тишину слова послания.

Смотрю вокруг... Устремленные на священника восторженные взгляды, увлажненные глаза. Многие утвердительно кивают, что-то согласно шепчут. Верят...

...И еще одна картина встает передо мной. Высокий зал со светлыми хорами. Огненные слова на голубоватом стекле — «Бог есть любовь». Глубокие, вздыхающие звуки органа. Вступает слитный, слаженный хор:

Нам жизнь дана, чтобы любить,
Любить без меры, без предела,
И всем страдальцам посвятить
Свой разум, кровь свою и тело.

Идет молитвенное собрание евангельских христиан-баптистов. И здесь то же самое — внимательные лица, доверчивые взгляды.

В католических и православных храмах, в молитвенных домах и в общинах христианских сект на всех языках произносят, распевают, сопровождают изречениями из «священных» книг слова «бог» и «любовь».

Внимают этим словам верующие всех стран, всех континентов. Слушают их прихожане церквей, молитвенных домов и в нашей стране. Слушают... И находят призывы христианской любви отклик во многих сердцах.

Религией любви, религией милосердия называют христианство его последователи. «Придите к Христу, прислушайтесь к его учению, сделайте все, чтобы это учение воплотилось в жизнь, и воцарятся тогда на земле счастливые, любовные отношения между людьми», — говорят христианские вероучители. По мнению многих верующих, слова о любви — самое прекрасное в учении Христа и составляют самую суть этого учения.

Да, так думают многие. Вот и хочется поразмыслить, а что же такое христианская любовь? Как она появилась, что означает? Как влияют на сущность, содержание христианской любви другие религиозные поучения и правила. И, наконец, что несет людям христианская любовь, делает ли она их жизнь лучше и счастливей? Подумаем вместе над этими вопросами.

Любовь к людям... Как много можно вложить в это понятие. Любить людей — значит видеть в них высшую ценность, уважать, понимать внутренний мир человека. Любить людей — значит бороться за их счастье.

Любовь к людям требует умения быть внимательным, добрым, чутким, умения понять, разделить горе и радость других. И не столько слова доказывают любовь, сколько дела. Надо не только думать о людях, не только уметь сочувствовать, но и заботиться о них, а в трудную минуту поддержать их, помочь. Там, где беда, проходит испытание на прочность подлинно любовное, дружеское отношение людей друг к другу.

Далекая загородная больница. Упорно ведут борьбу со страшной, еще не разгаданной болезнью самоотверженные люди в белых медицинских халатах.

Довелось побывать там и мне. Много здесь больных — у каждого свое горе, свои страдания, сомнения и надежды. И именно здесь особенно ярко, отчетливо проявляется любовь к человеку, подлинное стремление помочь ему, поддержать в трудную минуту, облегчить тяжелый груз болезни.

...Закончились обходы врачей, процедуры. Наступает долгожданный час посещений. Я невольно наблюдаю за своими соседками. У одних — посетители, ставшие уже привычными, — мужья, дети, братья, сестры. У других — нескончаемый поток гостей: родственники, друзья, товарищи по работе, по дому.

Вот у окна гостинной в окружении юношей и девушек невысокая русоволосая женщина средних лет. Спокойное лицо, негромкий, мягкий голос. Сейчас она уже поправляется, скоро на выписку. А несколько недель назад врачи теряли надежду: болезнь была слишком запущена. Галина Сергеевна, так звали эту боль-

ную,— известная учительница, депутат районного Совета — находила время на все: и сделать интересными уроки, и обежать квартиры своих учеников, и выполнить депутатские обязанности, и поделиться опытом с молодыми учителями. Лишь не хватало времени на себя. И вот — больница, сложная операция, долгое лечение... И недуг отступил.

Сама Галина Сергеевна говорит, что ее спасли не только старания врачей, но любовь и поддержка друзей, учеников. Как старались они предугадать, выполнить малейшее желание больной, как волновались, ожидая исхода операции, как рвались дежурить в послеоперационной палате. А главное, сколько бодрости, надежды приносили эти посещения. И Галина Сергеевна чувствовала, что нужна всем своим товарищам, что они любят ее искренне, крепко. Все это возбудило в ней страстное желание жить, работать, приносить пользу людям.

Но подробнее мне хочется рассказать о другом случае.

Со мной в палате лежала немолодая уже женщина. Холодное, замкнутое лицо, плотно сжатые губы. В больницах обычно охотно рассказывают о себе, но о своей соседке я знала мало. Нехотя, односложно отвечала она на наши вопросы. Зовут — Елизавета, работала приемщицей в мастерской по ремонту обуви, близких родственников нет. Не было, по-видимому, и друзей: долгое время Лизу вообще никто не навещал. А потом произошло что-то странное. Еще тогда, когда болезнь позволяла Елизавете подниматься, выходить, около нее появились какие-то скромно одетые женщины, что-то рассказывали ей, что-то читали, раскрывая книжечку небольшого формата. И потом, когда ее привезли из операционной, неизвестные посетительницы, бесшумно сменяя друг друга, подолгу просиживали у ее постели,

ухаживали за больной, не переставая что-то нашептывать.

Вскоре выяснилось, что неизвестные женщины были «сестрами», членами общины евангельских христиан-баптистов.

Меня заинтересовало, почему они так поступают. Видимо, пользуясь тем, что на помощь и внимание человек отвечает благодарностью, верующие привлекают новых прихожан в храмы, молитвенные дома. Ведь у баптистов есть даже нечто вроде правила, девиза: «...хоть одну хотел бы душу я к Иисусу привести».

Я и раньше слышала, что православные и сектантские проповедники обязывают верующих оказывать внимание, а если надо, и помощь всем, кто в этом нуждается, даже неверующим. Рассказывали мне, как одной девушке баптисты помогли найти квартиру, как человеку, потерявшему сына-кормильца, церковный совет оказал денежную поддержку. Но в обоих случаях эта помощь была не бескорыстна: принявших ее хотели вовлечь в свою веру.

Да, есть у нас еще такие случаи. Одинокие люди, которых товарищи по работе своевременно не поддерживали, начинают прислушиваться к голосу вдруг обретенных доброжелателей. Может быть, они раньше никогда всерьез и не задумывались над тем, есть бог или нет, а вот теперь, когда о боге, о его милостях говорят изо дня в день и говорят те, кто поддержал человека в трудную минуту, эти слова обретают новое значение. Не мало людей пришло в наши дни к вере именно таким путем.

И вот теперь я сама стала свидетельницей, как баптисты взяли под опеку одинокую больную женщину.

Однако что могут ждать от Елизаветы ее добровольные сиделки? Выздороветь она не сможет — надежды нет — это все знают. А ведь «сестры» ухаживают за ней

и будут ухаживать, как видно, до последнего ее вдоха. Что же движет ими? Какие чувства руководят верующими, когда они спешат на помощь попавшим в беду?

ПОСЛУШАЕМ ДРУГУЮ СТОРОНУ

Я решила поговорить с одной из Лизиных добровольных сиделок, которую звали Клавдия. Меня она уже знала и не очень удивилась, когда я спросила, что заставляет ее почти ежедневно совершать такие далекие поездки и ухаживать за незнакомой ей доселе женщиной.

Вот что ответила мне моя собеседница.

— Делаем мы это из любви к людям. Сам Христос явил высший пример любви к нам, положил за нас душу свою. Так и мы душу свою должны полагать за братьев своих, следовать за Христом, подражать ему, выполнять его завет.

— Значит, вы, помогая людям, выполняете божье повеление,— спросила я,— любите людей только потому, что так заветовано Христом, что это — ваш долг перед ним? А можно ли любить по долгу, по приказу?

— Отчего же нет? — удивилась моя собеседница. — Ведь то, что заветовано богом, — правильно. Бог, всемогущий, хочет людям хорошего. Мое сердце радостно приемлет эти божьи повеленья, откликается на них. Мои желания совпадают с желаниями бога. Его приказ я выполняю всей душой, отдаю ему все мои силы.

— А что значит, по-вашему, любить людей? — снова обратилась я к замолчавшей Клавдии.

— Высшая любовь — это любовь к богу, — отвечала она. — В Евангелии говорится, что первая и наибольшая заповедь — главное для христианина — любить бога, а

затем любить других людей, как любишь самого себя. А это значит, что я должна людям желать того же, что желаю себе,— добра, счастья, благополучия, здоровья. Мы жалеем людей, сочувствуем их бедам, стремимся помочь всем, что в наших силах. Ради ближнего своего мы можем и лишения понести, и пожертвовать многим, если это нужно.

Я верила Клавдии, знала, что слова у нее не расходятся с делом: ее отношение к Лизе показывало пример такого сочувствия, искреннего и деятельного.

Недолгий разговор с Клавой послужил поводом для многих размышлений.

ЧЕЛОВЕКОЛЮБИЕ — ЧУВСТВО ЗЕМНОЕ

Задумалась я, прежде всего, над тем, что это за чувство — христианская любовь? Чем она отличается от обычной любви к людям, человеколюбия? Вспомнились мне слова Клавдии: любить людей — значит жалеть их, сочувствовать им, стремиться помочь, быть готовым даже на жертвы и лишения во имя других.

Да, все это очень хорошо. Мы вполне соглашались с этим определением. Но почему эти прекрасные человеческие чувства верующие связывают с участием Христа и называют христианской любовью? Разве только тогда и только там, где существует вера в Христа, возможно подлинно хорошее отношение к людям, человеколюбие? Разве только религия установила законы любви и учит исполнять их в человеческом обществе? Разве люди могут любить друг друга только потому, что так учил Христос? А не вернее ли будет сказать, что любовь людей друг к другу породила сама жизнь, само человеческое общество, что это чувство не «заповедано» свыше, а возникло на земле, у людей, среди

людей. Конечно, так! Любовь к людям — это земное чувство. Оно существовало во все времена и эпохи. Люди стремились друг к другу, любили друг друга потому, что они сами этого хотели. Чувство любви к людям способен испытать только тот, кто обладает чуткой душой, добрым, великодушным сердцем, кто отзывчив к человеческим несчастьям и горестям.

Любовь к людям — великая сила; она вдохновляла лучших людей всех времен и народов на самые героические подвиги.

Во имя людей, во имя их счастья шли на смерть самоотверженные борцы за свободу, гнили в тюрьмах и ссылках, погибали под пулями революционеры-большевики. В этом — высшее проявление человеколюбия. Это не только жалость, сочувствие, не только простое пожелание счастья человеку. Революционеры, коммунисты, познавшие пути развития человеческого общества, понимали, что одной жалостью, сочувствием, одним лишь пожеланием человеку счастья вопрос не решишь. Чтобы сделать человечество счастливым, надо сделать его свободным, избавить от угнетения, эксплуатации, дать людям возможность свободно трудиться и пользоваться плодами своего труда.

Наша страна, страна победившего социализма, строящая общество высшего блага и счастья трудящихся — коммунизм, провозглашает любовь к людям, или, как мы иногда говорим, коммунистический гуманизм¹, одним из законов развития нашего общества. Мы зовем людей любить друг друга, видеть в каждом человеке личность со своими стремлениями, желаниями, потребностями. Мы зовем людей поддерживать друг друга, помогать раскрыть в каждом его лучшие черты, его

¹ Гуманизм — от латинских слов «гуманус» — человеческий и «гумантас» — человечность.

способности и развить их на благо всего общества. Мы стремимся сделать так, чтобы забота о каждом слилась с заботой обо всем обществе. Не везде и не во всем мы еще достигли желаемых отношений между людьми, не везде преодолели эгоизм, формальное отношение к человеку, неумение понять его внутренний мир. Но мы стремимся к тому, чтобы каждый человек мог найти в другом понимание, сочувствие, поддержку и готовность прийти на помощь.

Однако меня могут спросить, а чем же взгляды атеистов на взаимоотношения между людьми отличаются от взглядов верующих христиан? Атеисты хотят счастья для людей — того же хотят и христиане. Атеисты зовут помогать друг другу, зовут к этому и «христово учение».

Прежде всего, не будем смешивать взгляды и чувства верующих и поучения самой христианской религии.

Между чувствами, склонностями верующих и неверующих зачастую большой разницы мы и не увидим. По-разному смотрят неверующие и верующие на окружающий нас мир, на его происхождение и развитие. По-разному думают они о том, что ждет нас после смерти. Но в обычной жизни и неверующие, и верующие обычно чувствуют и поступают одинаково — любят одно и то же, испытывают одинаковую жалость, сочувствие, скорбь. То, что приносит радость, счастье неверующему, может так же радовать и верующего. И наоборот, что больно и тяжело для неверующего, так же тяжело и для верующего. Все это подтверждается самой жизнью.

Но христианское вероучение на этот вопрос смотрит по-иному. Оно пытается провести резкую грань между неверующими и верующими, между их делами и поступками.

По-настоящему любить людей могут только те, кто

исповедует христианское учение, внушали и внушают своей пастве христианские проповедники. Делать добро могут только те, кто признает бога, всецело подчиняется ему.

В Катехизисе — книге, где изложены основы православного учения, говорится: «...человек, поврежденный грехом, не может творить добрых дел, если не получит через веру в Иисуса Христа духовной силы или благодати божьей»¹.

То же повторяют и современные православные богословы и баптистские пресвитеры.

«Только признание в себе сыновности богу, полное подчинение ему, как отцу, открывает в душе чистый родник любви к ближним»², — пишет баптистский журнал.

Следовательно, на любовь, самопожертвование, страдание люди способны не сами по себе, а только потому, что в них воплощается дух божий, божественные повеления.

Если мы вдумаемся в эти поучения, то заметим в них мысль, глубоко обидную для людей. Получается, что сам человек ни на что хорошее не способен, что его характер, наклонности, чувства и поступки ни к чему положительному не приведут. Все, оказывается, зависит не от самого человека, а от бога. И если верующий совершил что-то доброе, что-то сделал для блага людей, во имя любви к ним, сделано-то, видите ли, вовсе и не этим человеком, а его верою, воплощающей волю божью, другими словами — самим богом. Вся заслуга, следовательно, принадлежит богу. Ему, а не людям, надо воздавать благодарность, возносить хвалу.

¹ Цит. по кн.: А. Осипов. Катехизис без прикрас. М., 1963, стр. 235.

² «Братский вестник», 1962, № 4.

Но зададим еще один вопрос: как же объяснить и оценить те добрые дела, которые совершают неверующие? Таких дел нельзя ни замолчать, ни отринуть. Подтверждение этому — вся история борьбы за освобождение человечества, особенно наша сегодняшняя жизнь, жизнь нашей страны, где для блага народа, во имя народа именно неверующие совершают героические подвиги борьбы и труда.

У христианской религии есть ответ и на этот вопрос. Бог, говорит она, — воплощение любви и милосердия, действует иногда и через тех, кто его не признает. Это он вкладывает в душу и сердце неверующих частицу своей благодати. И они — помимо своей воли и сознания — творят божью волю. Всякое сочувствие людям, дружеская поддержка, помощь попавшему в беду человеку — не что иное, как голос бога в человеческой душе.

Присмотримся внимательно к этому объяснению. Попробуем сравнить его с вышеприведенными православными и баптистскими поучениями. И мы сразу заметим явное противоречие. С одной стороны, христианство настойчиво подчеркивает, что без веры нет любви, нет добрых поступков, с другой — допускает, что любовь, добрые поступки могут совершаться людьми, не признающими бога, что вера вовсе и не обязательна. Одно утверждение опровергает другое. Спрашивается, чему же верить? Да и как можно вообще прислушиваться к таким разноречивым поучениям.

На самом деле любовь к людям, поступки, совершаемые во имя этой любви, зависят совсем от другого.

Умение любить — это свойство самого любящего, его характера, его сердечной склонности. Бог здесь, можно сказать, ни при чем. Перестань такой человек верить в бога — он останется по-прежнему добрым, отзывчивым, щедрым к людям, их бескорыстным помощником и советчиком.

Взять ту же Клавдию. Вспоминаю ее слезы, бессонные ночи над больной Елизаветой. Как сейчас вижу Клавино похудевшее лицо, скорбные глаза. А ведь Лиза была, наверное, не единственной, о ком заботилась эта добрая, хорошая женщина. Уйди Клавдия из баптистской общины, перестань верить в бога — она останется такой же.

Но почему же очень часто — как в прошлом, так и сейчас — это земное, человеческое чувство человеколюбия церковные деятели так упорно связывают с религией, с именем Христа, называют христианской любовью? Как и когда установилась такая связь?

Добрые, отзывчивые люди охотно прислушиваются ко всякому призыву о человеколюбии. И чтобы укрепить свое положение, христианская религия с момента своего возникновения стала выдавать естественное, земное чувство любви за божественное, небесное. Христианские вероучители стали говорить, что любовь к людям провозгласил Христос, что только тот, кто обратился к христианству, способен проявить большие чувства и вызвать ответные. «Христианская религия — религия любви и милосердия. Бог есть любовь. Где нет веры — нет и любви», — внушали христианские богословы.

И тянулись, прислушивались люди к таким призывам. Прислушивались особенно тогда, когда в реальном мире не встречали доброжелательных отношений, когда стремление к мирной, счастливой жизни встречало неодолимые преграды, подавлялось насилием, злой волей. В далеком прошлом, когда христианство еще только зарождалось, поднимались на борьбу народные массы, пытались завоевать в бою право на лучшую жизнь и терпели поражения. Разбитые, испытывая еще больший гнет, теряли они надежду на установление своими силами строя равенства и любви. Все чаще и

чаще обращали страдающие люди свой взор на небо, искали ответа, помощи у религии. И религия, прежде всего христианская, подсказала такой ответ: чтобы добиться счастливых отношений между людьми, надо исповедовать учение Христа, выполнять его заповеди, особенно заповедь о любви.

Христианские призывы звучали эхом желаний и надежд многих людей. Все свои стремления, тягу к любви, к милосердию они теперь стали приписывать не себе, а богу. Постепенно они пришли к мысли, что желание делать людям добро возникает у верующих только потому, что это им внушает Христос. Христиане (безразлично: православные, баптисты, католики) и сейчас думают, что только христианская любовь может побороть зло, недоверие, привести к истинно человеколюбивым отношениям на земле.

Разными путями приходили и приходят люди к религии. Одни восприняли веру в бога с детства, от родителей. Других привело в церковь, в молитвенный дом какое-нибудь горе. А есть и такие, которых привлекла в религии прежде всего проповедь человеколюбия. Таится в сердце такого человека желание делать людям добро и находить ответное чувство благодарности, признательности в душах других, но по каким-либо житейским причинам не может он найти выход своим чувствам и отклик на них. Вот и мечется человек, ищет и обращается мыслями, наконец, к христианскому учению о любви.

Припомнился мне случай, когда несколько лет назад в вагоне электрички познакомилась я с юношей, который ехал в подмосковный городок поступать в монастырь. Из нашего разговора выяснилось, что мой случайный спутник думал найти в монастыре настоящее братство, взаимопонимание, подлинный идеал человеколюбия. Нелегко сложилась у него жизнь, не было

близких людей, никто, казалось, не понимал его, не интересовался его переживаниями.

Пыталась я разубедить запутавшегося в своих мыслях бедного юношу, говорила ему, что он просто еще не нашел, не сумел найти себе настоящих друзей, что свое естественное стремление к душевному общению он напрасно пытается удовлетворить поисками «братства во Христе». Не знаю, убедила ли я его, но долго преследовали меня мысли о нашей случайной встрече. Видимо, бывает и так. Жаждет душевной поддержки одинокий человек, тянется к людям, хочет поделиться своим горем...

В повседневной жизни, занятые своими делами — работой, учебой, семьей, — мы, бывает, не замечаем одиночества, грусти, внутренней неудовлетворенности своего сотрудника, знакомого, просто соседа, не видим, что человеку надо помочь. А религия своими призывами к человеколюбию, братству зовет, влечет, как бы подсказывает выход ищущему человеку. И земное чувство в душе человека находит отклик в религиозных призывах, сближается с ними, наполняется новым содержанием.

Но мне опять скажут, что разницы между любовью верующих и неверующих нет. Что хорошо, то везде хорошо. Как мы будем любить людей — с богом или без бога — любовь остается любовью. Она везде одна и та же.

Так ли это?

Да, христианская любовь в своей основе имеет земные причины. Ее можно было бы счесть обычным человеческим чувством, если бы... Если бы само христианское вероучение не пыталось придать любви божественный характер и не связывало ее неразрывно с другими — основными — христианскими догматами и поучениями.

С точки зрения христианского вероучения и самих верующих, нельзя верить только в то, что бог велел людям любить друг друга, и не верить во все остальное, чему учит религия. Если человек попытается выделить в религии только то, что ему нравится, и откажется от всего вероучения в целом, он уже не будет верующим.

Но мы говорим сейчас о тех, кто принимает полностью все христианское учение, кто верит в самого бога. Тот, кто верит в бога, верит, прежде всего, в то, что бог творец мира, создатель человека, устроитель и распорядитель судеб людских, что ничто не совершается без воли божьей. Те, кто верит в бога, думают, что бог, всемогущий, вездесущий и всевидящий, может простить любые прегрешения, если его как следует попросить, покаяться. Бог может послать людям счастье, радость, довольство, но может, разгневавшись, и наказать человека, подвергнуть его любой каре.

Они верят и в то, что бог даровал человеку бессмертную душу, которая после телесной смерти может обрести либо вечное загробное блаженство, либо нескончаемые адские муки.

И люди, искренне, всем сердцем воспринимающие христианские заповеди о любви и поверившие во все христианское учение, зачастую свою любовь к людям бессознательно связывают с главными религиозными поучениями и даже подчиняют ее этим поучениям.

Конечно, трудно найти даже двух верующих, которые думали бы совершенно одинаково. У одних больший отклик в душе находит одна сторона религии, у других — другая. Но так или иначе вера в бога сопутствует всем поступкам и душевным движениям христиан, больше того — определяет их поступки и играет решающую роль в решении многих жизненных проблем. А это уже накладывает на христианскую любовь

свой отпечаток, придает ей особый характер. Прежде всего, у искренне и глубоко верующих людей любовь к людям тесно связана с любовью к богу, больше того, вытекает из любви к богу.

ЛЮБОВЬ БОЖЕСТВЕННАЯ И ЛЮБОВЬ ЗЕМНАЯ

Однажды гуляли мы с одной моей знакомой, верующей женщиной, в парке, над прудом. Догорал чудесный летний день, неподвижные деревья отражались в зеркальной глади воды. В воздухе разливался аромат цветущих лип. Небо на западе пламенело пурпурными красками заката. Мы молчали, очарованные красотой угасающего дня.

Вдруг моя спутница прерывисто вздохнула. Слезы выступили у нее на глазах, но это были слезы не горя, а умиления и восторга.

— Господи, господи,— шептала она,— красота-то какая, душа радуется.— Говорившая перекрестилась.— Благодарю тебя, боже, что ты своим разумом и волей создал этот прекрасный мир, даровал людям счастье жить в нем и наслаждаться. Слава, вечная слава тебе, господи!

И такая любовь, такая признательность засветилась в ее глазах, что я невольно подумала: если человек искренне верит, что бог — творец всего мира, создатель всех его благ и красоты, то, естественно, у него появляется к богу такое чувство благодарности и даже чувство любви. Любовь к жизни, ко всем ее проявлениям, счастье наслаждаться жизнью превращаются у верующих в любовь к богу.

А религия всячески подогревает, разжигает эту любовь, старается внушить, что она главное в жизни ве-

рующего. В Евангелии говорится: «Возлюби господя бога своего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь». Правда, тут же писание прибавляет: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». Но все же на первое место христианство выдвигает любовь к богу. Она, как учат христианские богословы, представляет собой высший тип любви. Баптистские проповедники так и говорят: «Любовь к богу — это первый, основной вид любви, а любовь к людям — второй, низший вид»¹.

Любить бога, по мнению христиан, значит отдать ему все свое сердце, все помыслы и устремления. Во имя бога надо быть готовым пожертвовать всем, пострадать и, страдая, испытывать ни с чем не сравнимое счастье, славить своего творца. Ничто не должно быть дороже для верующего человека, чем бог: ни земные дела, ни блага мирские, ни семейные привязанности. Ведь говорил, как повествует Евангелие, Христос: «Кто любит отца или мать более, нежели меня, не достоин меня; и кто любит сына или дочь более, нежели меня, не достоин меня».

Тому же учат и современные проповедники христианства. Православный журнал недавно перепечатал поучение одного из богословов прошлого и рекомендовал читателям всецело следовать этому поучению. Речь шла о том, что значит почитать Христа. «Предадим ему свой ум, — сказано в поучении, — да будет он Христов; предадим ему сердце, да будет оно Христовым, свободным от пристрастия к миру и его благам, постоянно устремленным туда, где его вечное сокровище... Предадим ему волю, да будет она Христовой. Да

¹ «Братский вестник», 1962, № 4.

живем не столько мы сами в себе, сколько Христос в нас»¹.

А баптисты поют на своих собраниях: «Жизнь для бога, все иное жизнью ты не называй».

Итак, бог, любовь к богу — прежде всего, полная отдача ему всего себя. Таковы правила христианства.

Но как же тогда совместить любовь к богу и любовь к людям, о которой тоже, как мы уже видели, много говорит христианское вероучение? Можно ли одновременно любить и бога, и людей?

Проповедники христианства отвечают на этот вопрос утвердительно. Больше того, они говорят, что только любовь к богу порождает любовь к людям, только истинно верующий способен к подлинному человеколюбию. Так ли это?

Конечно, есть и такие верующие, которые, казалось бы, могут соединить любовь к богу с любовью к людям — одно другому у них не мешает. Такой верующий будет и молиться, бога благодарить, изливать ему, отцу небесному, свои сыновние чувства, и к людям хорошо относиться, желать им добра, счастья, а если надо, поддерживать, помочь.

Но вряд ли такой верующий отдаст богу всю душу, сердце, все разумение свое, как это учат делать «священные» книги. Отдать душу и сердце только богу — что же тогда останется людям? Как можно любить людей без того, чтобы не привязаться к ним, не страдать их страданиями, не видеть в них дорогих для себя существ, не стремиться всеми силами улучшить, сделать счастливой их жизнь. Можно ли так любить, если все силы души уже отданы другому — богу? Конечно, нельзя. И те, кто ищет в христианской религии возможность удовлетворить свои человеколюбивые стремле-

¹ «Журнал Московской патриархии», 1967, № 5.

ния, не будет отдавать свои лучшие чувства неведомому, далекому богу, побережет их для людей. Богу же достанется только внешнее проявление любви — молитвы, обряды и прочее.

Однако христианские проповедники и в прошлом, и в настоящем не рассчитывали и не рассчитывают, что к религии потянутся только добрые, сострадательные люди. Нет, верят в бога разные люди, с разными характерами и наклонностями. И они постоянно слышат: бог — превыше всего, его следует любить, ему нужно угождать. А как? Прежде всего, молитвой, преданием всей души, благодарностью.

Пожалуй, прежде всего — благодарностью. «За все благодарите: ибо такова о вас воля божия» — поучают христианские «священные» книги. Надо быть благодарным богу за то, что ты существуешь, за все земные удовольствия и радости, даже за страдания. «Всегда верующий должен быть благодарным, — напоминают проповедники баптизма, — за все — за радости, скорби и даже за болезни... В любое время, в любых обстоятельствах мы должны благодарить... бога-отца — через Христа»¹.

Но как можно благодарить за скорби, за несчастья? А если это несчастье происходит с вашим близким? Будете ли вы благодарить кого-нибудь за болезнь, видя, как в мучениях умирает ваш единственный ребенок? Да нет, пожалуй, и у очень верующих людей несчастья близких вызывают не благодарность, а гнев против бога.

Приведу один литературный пример. Известный французский писатель Э. Золя в своем романе «Лурд» описывает, как в город Лурд, где якобы есть чудотворный источник и творящая чудеса статуя Богоматери, съезжаются больные, жаждущие получить исцеление.

¹ «Братский вестник», 1969, № 4.

Приехала сюда и бедная вдова с единственной маленькой дочкой Розой. Больше года болела девочка. Несчастливая мать в последней надежде привезла ее к ногам Святой девы. Несколько дней и ночей провела она у «чудотворного» места, горячо молилась, но ничто не помогло, и малютка умерла как раз перед статуей Богоматери. Обезумевшая от горя женщина разом потеряла всю свою веру. «Неправда! — кричала она в ответ на увещевания смириться и вновь молиться Богоматери, верить в ее доброту. — Святой деве наплевать на меня, святая дева — лгунья!.. Зачем она меня обманула? Я никогда бы не поехала в Лурд, если бы не услышала в церкви голос. Моя дочурка была бы жива, быть может, врачи вылечили бы ее... Нет никакой Святой девы! Нет бога!»¹

Не только благодарить, но и вечно славословить, восхвалять господу должны христиане для того, чтобы доказать ему свою любовь. Славить бога, так же как и благодарить, надо, по словам проповедников, всегда и везде, и прежде всего в молитве. Молитва, поучают богословы, имеет два вида: первый — высший — «славословие со смиренномудрием» и второй — низший — «просьбы к богу». «Поэтому, молясь, начинай не с прошения, а со славословия», а потом — опять благодари за то «...что долготерпел ты моим грехопадениям и донныне оставлял меня ненаказанным...»²

Итак, благодарность, славословие — это то, при помощи чего человек выражает свою любовь к богу. Но не только. В христианской литературе и проповеднической деятельности часто встречаются слова — «богоугодные дела». Одним из главных богоугодных дел и

¹ Э. Золя. Лурд. Государственное издательство художественной литературы, 1953, стр. 424.

² «Журнал Московской патриархии», 1969, № 1.

становится претворение в жизнь христианской заповеди о любви к ближнему, то, что баптисты, например, называют практической христианской любовью.

Часто христианские проповедники напоминают верующим такое евангельское поучение. В одной из бесед со своими учениками Христос раскрыл им то главное, что отличает праведника от грешника. Праведники — это те, кто кормил голодных, поил жаждущих, принимал странников, одевал нагих, посещал больных и заключенных в темницу, ибо, говорил Христос, «...так как вы делали это одному из сих братьев моих меньших, то сделали мне». Грешники же те, кто никогда не проявлял милосердия к несчастным.

Значит, помощь нуждающимся — это богоугодное дело. Люди могут оказать ее бескорыстно, просто из естественного чувства сострадания, а бог это оценит очень высоко. Конечно, если перенестись в те времена, когда якобы были сказаны эти слова, все окажется более простым. Тогда о Христе, о его учении слышали немногие. Не зная Христа, не думая о том, что он может признать их праведниками или грешниками, люди совершали добрые дела просто в силу человеческой потребности делать хорошее друг другу. Но потом учение Христа стало широко известным. Верующие уже знали, верили, верят и теперь, что добрые дела богом благословляются; совершая их, человек доказывает ему свою любовь.

Выходит, любовь к людям для многих из верующих не выражение их внутренних чувств, их характера, а лишь форма, способ доказать свою любовь к богу, покорность его заповедям.

Если вдуматься, то получается, что верующий человек, выполняющий заповеди любви только потому, что они исходят от любимого бога, на самом деле может и не любить людей. Можно помогать людям, не испы-

тывая к ним при этом того живого сострадания, глубокого сочувствия, горячего желания счастья, которое вызывает земная человеческая любовь. Реальный, живой, страдающий человек, с его чувствами, мыслями, болью, может и не вызывать у таких верующих ответных чувств и сострадания. Богу отдаются все лучшие движения души, вся накопившаяся в сердце любовь. Насколько лучше было бы, если бы эта любовь излилась на людей, как много радостей могла бы она доставить людям!

Однако для религии дела, совершенные во имя бога, в доказательство любви к нему, неизмеримо выше, ценней дел, совершенных просто для людей. Характерно в этом отношении рассуждение одного баптистского богослова. «Можно свершать большие и добрые дела,— поучал он,— но с целью выделиться, показаться перед людьми, и это не будет так ценно в глазах господя, как может быть маленькое, незаметное дело, но совершенное из любви, во имя Иисуса Христа»¹.

Далее этот проповедник напомнил верующим одну из евангельских историй. Великая грешница, блудница, узнав, что в ее городе остановился Христос, пришла к нему и, «плача, начала обливать ноги его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги его, и мазала мирром». Растроганный Христос сейчас же простил женщине все ее грехи, сказав, что прощение даровано ей за веру, за любовь к господу своему. Современный проповедник баптизма сделал определенный вывод из этой истории: поступок женщины, свидетельствующий о желании угодить богу, затмевает многие дела человеческие. Конечно, евангельскую притчу нельзя понимать буквально: дело не в омовении ног Христа, а в том, что женщина принесла ему все самые

¹ «Братский вестник», 1967, № 2.

лучшие движения своей души и сердца, покорно склонилась перед ним, признала его власть — и именно это явилось самым ценным в ее поведении.

Наивысшим проявлением любви к богу христианство считает отречение от всех земных благ и радостей и абсолютную отдачу себя богу — священство, монашество, затворничество. Священники, монахи и затворники особенно приятны богу, это его «угодники», «святители».

Вот и получается, что любовь к людям дело хорошее, но, с точки зрения христианского вероучения, все же второстепенное. Церковь считала, считает и сейчас, что человеколюбие, милосердие очищают сердце верующего, делают его способным «видеть» бога, т. е. только готовят к основному — к отдаче всего себя божественной воле и разуму.

Но что же заставляет верующего всецело отдаться богу? Обычно на этот вопрос отвечают: сознание бога в душе, «богообщение», слияние с богом, что дает высшее счастье человеку. Чтобы достигнуть такого счастья, слиться с богом, уподобиться ему, надо, как говорят христианские богословы, прежде всего всецело отказаться от собственной воли, от своих стремлений и желаний.

«Кто и как может достигнуть уподобления богу? — спрашивает современный православный проповедник. — Только тот, кто по великой любви свою свободу поработил богу в своей добродетельной жизни»¹. Надо, следовательно, сделать бога полным своим властелином, полностью принять и осуществлять его волю. Баптистские пресвитеры поучают, что верующий должен «не только находить утешение и радость в религии, но сделать Христа властелином нашего сердца... принять Христа не только как спасителя, но и как царя царства небес-

¹ «Журнал Московской патриархии», 1969, № 5.

ного»¹. И в этом — главное призвание верующего, его полное счастье, лучше и больше которого не может быть ничего на земле.

Заметим, что для рядовых верующих такие довольно туманные рассуждения, наверное, бывают и непонятными. Христианская религия и сама не в силах объяснить простым, доступным языком, как понимать «богообщение», «богоуподобление» и пр. Да богословы и не стремятся сделать все свои проповеди простыми и доказательными. Не в духе религии вызывать у верующих раздумья. От раздумий легко можно прийти и к сомнениям. А всякие сомнения, всякая попытка все понять и осмыслить может стать губительной для самих христианских поучений. Лучше, если прихожане храмов и молитвенных домов будут безоговорочно верить своим вероучителям. Ведь внушают же проповедники своей пастве, что человек настолько ничтожен перед лицом бога, перед его мудростью, что не в силах понять всю глубину божественного учения. Надо не размышлять, а смиренно верить, учит религия. «Дух смиренномудрия даруй мне», — часто восклицают в своих молитвах верующие. «... Мы не в состоянии по нашей человеческой немощи до конца осознать разумом спасительное значение боговоплощения»², — поучал совсем недавно известный современный православный проповедник.

Итак, «богообщение» — главное для верующего, для определения его отношений с богом. Однако этого мало. Мы вспоминали с вами, что одно из основных учений всякой религии, в том числе и христианской, — это учение о всемогущем божестве, распоряжающемся судьбами людскими. Всемогущий бог может и наказать человека, и наградить его. И человек, поверивший в эти воз-

¹ «Вратский вестник», 1969, № 4.

² «Журнал Московской патриархии», 1969, № 4.

мощности бога, конечно, и боится его, и надеется на его милость.

Стоит теперь подумать: а какое влияние вера во всемогущество бога оказывает на идею христианской любви? Не налагает ли и она свой отпечаток на это чувство?

СТРАХ, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ...

Негромкий, призывный звук церковного колокола. Распахнуты двери храма. Неторопливо проходят верующие. А в притворе крестятся, кланяются, тянут просительно руки жаждущие подаяния.

Пожилая женщина ведет за руку мальчика. Вот она остановилась перед одной из старушек и негромко приказала ребенку: «Отдай бабушке денежку!» Мальчишка протестующе замотал головой — не отдам, мне мама на мороженое дала!

Голос женщины стал строгим:

— Отдай, тебе говорю! Христос учил — надо бедным и больным помогать. Не будешь слушаться — бог накажет!

Ребенок испуганно посмотрел на говорившую, покорно бросил монетку в протянутую руку.

— Благослови тебя Христос! — кланяясь, промолвила старушка. — Воздаст он тебе за доброе дело!

Характерная сценка. В ней очень ярко отразилась одна важная сторона христианских поучений о делах добра и милосердия: не будешь исполнять божьи повеления — бог накажет, будешь — бог вознаградит.

Вот и получается, что во всех своих мыслях и делах верующий все время должен думать о боге, рассчитывать: порадует он его или прогневит, рассердит.

Рассердить бога страшно. Он, всемогущий и всемогущий, может, разгневавшись, наслать на человека

любые испытания и несчастья, поразить болезнью, мучениями.

Полистаем страницы Библии. О каких только ужасах не рассказано в ней: сколько наказаний посылал господь людям за их грехи — массовые убийства, истребление целых городов, народов.

...Всемирный потоп, когда по воле бога, недовольного людьми, сорок дней и ночей заливал ливень землю, погибли все люди, все живое на земле, спаслись лишь, по велению бога, «праведник» Ной с семьей и немногочисленные животные.

...Казни египетские, посланные богом на всех египтян за то, что они не хотели выпустить из своей страны евреев. Тут и гибель всех животных, и огонь, и град, и нападение саранчи, и тьма, сошедшая на землю, и, как венец наказания, истребление всех первенцев египетских.

И даже в Евангелиях, книгах, прославляющих доброту и милосердие божие, нет-нет да и прозвучат угрозы, запугивание адом, «геенной огненной» тех, кто не хочет принять Христа сердцем своим, поверить ему.

Посылая апостолов проповедовать свое учение, Христос говорил, что те города, где люди не примут новых пророков, подвергнутся страшному наказанию: «Отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому».

В Ветхом завете рассказано, что города Содом и Гоморра были по повелению бога уничтожены пролившимися с неба серой и огнем. Участь еще худшую предрекал Христос тем, кто откажется признать его. Грозный и мстительный бог встает со страниц «священных» книг.

Около двух тысячелетий существует христианская религия. Миллионы людей верили и верят в Христа,

признают его учение. Многие верующие искренне полюбили бога, склонились перед его всемогуществом и волей. Казалось бы, должна восторжествовать провозглашенная Христом любовь между людьми, должны были бы установиться на земле мирные, человеколюбивые отношения. Но этого не произошло. Зло не исчезло из мира. Шли и идут кровопролитные войны, льется кровь ни в чем не повинных людей, гибнут старики, женщины, гибнут малолетние дети. Существуют еще в мире и угнетение человека человеком, и насилие, и преступность. Люди страдают и погибают от болезней, неурожаяев, стихийных бедствий. Когда задаешь верующим вопрос: «Как же сочетать происходящие с человечеством беды и несчастья с любвеобильностью и благодатью бога?» — получаешь обычно ответ: «Кого бог любит, того и наказывает». Так сказано в «писании». Действительно, в Ветхом завете такие слова есть. Что-то странным кажется такое проявление любви! Посылать мучения, тяжелую смерть и называть это любовью! Да если бы христиане, подражая богу, стали мучать тех, кого любят, возмутились бы все, даже священнослужители. А богу, оказывается, поступать так можно.

Но многим верующим, представляющим себе бога как милостивое существо, вышеприведенное объяснение трудно принять, трудно рассматривать зло как выражение любви. Поэтому в христианском богословии есть и другое объяснение: люди сами виноваты в своих бедах. Они грешат, нарушают волю божью и его заповеди и получают за это заслуженное возмездие свыше. При этом опять подчеркивается любвеобильность бога. Бог, всемилостивый и всеблагий, вынужден, видите ли наказывать людей за их грехи, как наказывает любящий отец своих непослушных детей. Отец, конечно, сам страдает, налагая кары, но понимает, что наказание принесет несомненную пользу.

Так и бог, посылая грешникам возмездие, хочет, чтобы они одумались, стали поступать так, как того требуют божественные предначертания.

И это объяснение тоже сомнительно. Прежде всего, уж очень страшными являются те наказания, которые бог порой обрушивает на грешников,— смертельные болезни, голод, войны. Всегда ли соответствуют эти кары мере людских поступков? Ведь гибнут не только неверующие, но и верующие. А они-то постоянно замаливают свои грехи. Да нет на их душе и самого страшного, неотмолимого, смертного греха — неверия. Говорят, бог наказывает ради исправления. Исправлением, с точки зрения христианства, является покаяние. А ведь и на покаяние у многих, гибнущих во время внезапных несчастий, например наводнений, ураганов, времени не остается. Выходит, человек умирает нераскаявшимся и, согласно христианству, должен идти в ад. Где же здесь исправительное значение наказаний?

Кроме того, от болезней, от стихийных бедствий, от рук внешних врагов гибнут, случается, и те, у кого нет на душе особых грехов, кто не преступал божьих заповедей, гибнут безгрешные, с точки зрения того же христианского вероучения, дети. Их-то за что настигает мучительная смерть?

Иногда в разговорах на эту тему слышишь и такие возражения: тяжкие преступления и бедствия вовсе не божьих рук дело. Бог никогда не благословляет зло. Люди сами творят его — или по своей греховной воле, или по наущению дьявола, сатаны — отца зла. Но снова возникает вопрос: почему бог все же допускает зло, почему не может заставить людей не грешить, почему не уничтожит дьявола? Не может бог все это сделать или просто не хочет. Если не хочет, то он вовсе не всеблаг, не милосерден. Если не может, то он не всемогущ. Само понятие природы бога, его качеств, о которых говорит

христианское вероучение, исчезает, если вникнуть в суть таких рассуждений.

Естественно, что и в этом вопросе христианские проповедники тоже призывают не вдумываться, а верить, выполнять христианские поучения.

Вспомним, что, согласно христианскому учению, бога надо любить всем сердцем своим. Но можно ли любить такого бога, от которого каждую минуту ожидаешь наказания, возмездия? И у многих искренне верующих любовь к богу зачастую заменяется страхом перед ним. «Я не от любви к богу молюсь ему,— писал автору верующий православный К. из Харьковской области,— а от страха, а любить я его не могу». У К. несколько лет назад умерла жена, неизлечимо заболел сын. До этого он был неверующим, но горе привело его к богу. Несчастье в семье было воспринято им как наказание божье за грехи. И вот такие, как К., трепещущие перед божьим именем, стремясь избежать нового несчастья, готовы исполнить все заповеди христианства, все евангельские поучения, принять участие во всех богоугодных делах, в том числе проявлять к людям любовь и милосердие.

Но бог, как учит христианство и думают сами верующие, не только карает, но и награждает. Со страниц «священных» книг перед нами вставал мстительный бог. Но те же книги рисуют бога добрым, милосердным, способным простить любые прегрешения, любящим людей. Ведь главным христианским рассказом является рассказ о смертельных муках Христа, сына божьего, добровольно принятых им ради спасения людей. На такого милостивого бога верующие уповают в своих земных делах и надеждах, к нему обращаются они за помощью в трудную минуту жизни. Как часто в храмах, в молитвенных домах слышатся возгласы: «Господи, спаси!», «Господи, помоги!», «Господи, подай!»

Бога молят о здоровье, о благе близких, просят у него помощи в практических делах. Христианская религия поощряет такие обращения, все время напоминает, что только от бога зависит счастье в земной жизни людей. «Не на свою, а на божью силу должны мы возлагать упование при болезнях и жизненных невзгодах», — учил известный в нашей стране православный проповедник¹.

Но одновременно религия настойчиво напоминает, что главное — это не мирские, земные блага, а спасение своей души, завоевание вечного посмертного райского блаженства — загробное воздаяние. «Какая польза человеку, если он приобретает весь мир, а душе своей повредит?» — вопрошает Евангелие.

И вот во имя этой главной награды, во имя вечной жизни и должен верующий строить свою земную жизнь, рассчитывать все свои дела и мысли. Ведь учит то же Евангелие: «Что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе».

Завоевать благословение господне и в земной жизни, и в небесной можно, с точки зрения религии и верующих, исполнением божественных поучений, в том числе, снова скажем, поучения о любви к ближнему, добре и милосердии.

Есть такое слово — «благотворительность». Немало занимались благотворительностью в прошлом в нашей стране богатые помещики, купцы, фабриканты: устраивали благотворительные базары, балы, концерты в пользу бедных, собирали по подписке средства на приюты, больницы, богадельни. Жалкие гроши от своего богатства, созданного непосильным трудом рабочих и крестьян, жестокой их эксплуатацией, отдавали эти

¹ «Журнал Московской патриархии», 1961, № 2.

люди на так называемые дела милосердия. И почги всегда такие оскорбительные подачки сопровождались утверждениями: «благое, богоугодное дело», «господь воздаст», «все зачтется!» Да и сейчас в наши дни в церковных приходах, в молитвенных домах нет-нет да и будешь свидетелем сбора средств на помощь больным или нуждающимся (как будто наше государство не всем гражданам оказывает помощь!). Но вся эта благотворительность не есть еще любовь к ближнему. Совершенно очевидно, что можно абсолютно не любить людей, не жалеть их, но помогать им, боясь гнева господнего и в надежде заработать местечко в раю.

Конечно, не все верующие так рассуждают; многие, как уже говорилось, искренне верят христианским заповедям любви и выполняют их. Но если даже таким искренним верующим постоянно твердить: помни о боге, о его милости, о его гневе, делай все так, как богу угодно, то верующий человек, привыкая к мысли, что обо всех его чувствах и поступках известно всевидящему богу, начинает соизмерять с этим свое поведение, всю свою жизнь; появляются мысли о своем благополучии, начинают звучать нотки корысти. И виноваты в этом не верующие, виновата сама христианская религия.

Возьмите хоть такие поучения, рекомендуемые современными православными проповедниками. Почему людям надо любить друг друга, жить в мире и согласии? «Потому, во-первых, что сам господь бог наш благоволит именовать себя богом мира; как же может явиться перед лицом его тот, у кого в сердце таится вражда или злоба. Потому, во-вторых, что царство божие есть царство мира, любви и единодушия... как же войти в это царство тому, кто не имеет согласия и мира со своими ближними.

...Что же делает человек, враждующий со своими

ближними? Он разрушает дело спасения, совершенное крестной смертью сына божьего»¹.

Как видите — все об одном: бог, его воля, царство небесное, спасение. Ни слова о земной жизни, о людях, их чувствах, горестях, радостях. Да, христианская религия постоянно внушает, что бог должен занимать первенствующее место в жизни, мыслях и стремлениях людей, что каждый свой шаг верующий должен рассчитывать так, чтобы не прогневить бога, а вызвать его милость. Божественное здесь вытесняет земное, любовь к людям подчас превращается только лишь в средство заслужить благословение божие.

Но ведь настоящей можно назвать только такую любовь, где в центре внимания стоит человек, его судьба и заботы. Настоящая бескорыстная любовь выражается в стремлении помочь человеку, сделать его жизнь лучше, интереснее, богаче. Если человек действительно любит, он не думает о каком-то воздаянии. Для него награда — признательность, благодарность, ответное чувство любимого, то, что мы называем взаимной любовью, дружбой. Одно земное, сердечное, искреннее спасибо дороже для любящего всех материальных наград. Но главное — нет выше вознаграждения для искренне любящих, чем сознание, что ты облегчил жизнь другим, принес им счастье. Как хорошо говорил великий пролетарский писатель Максим Горький: «Лучшее наслаждение, самая высокая радость жизни — чувствовать себя нужным и близким людям».

Наша действительность полна примеров именно такой душевной, бескорыстной любви к людям.

О каких наградах, например, думала инвалид Отечественной войны, нотариус далекого городка Томари на Сахалине Нина Васильевна Богданова, воспитавшая

¹ «Журнал Московской патриархии», 1968, № 9.

пятерых сирот? «Я не могу без детей, без их любви, без их будущего. Зачем тогда жить?» — говорила Нина Васильевна. Для нее награда — в самой любви, в счастье любимых. И пусть это счастье достается трудной ценой лишений, усталости, даже коснувшихся ее грязных подозрений — она не сойдет со своего славного пути.

Хочется сразу оговориться: бескорыстие в отношениях между людьми могут равно проявлять и неверующие, и верующие. И верующий может поступаться удобствами, идти на лишения во имя блага ближнего. Этого не отрицает и само христианское вероучение. И для верующего человека счастье любимых может быть наградой. Но при этом самым важным для него все же останется сознание, что он поступил по-божески, согласно божественным предписаниям, совершил дело, удобное богу. А это многое меняет. Искренне преданный богу человек счастье угодить богу, как мы уже говорили, ставит выше счастья помочь людям.

Мне могут возразить, что неверующие также далеко не все проникнуты чувством бескорыстной, искренней любви друг к другу. Конечно, далеко еще не все. Есть случаи, когда за видимым благожелательным отношением, поддержкой кроется надежда получить какое-то вознаграждение — не небесное, конечно, а реальное, земное. Но мы осуждаем подобные корыстные расчеты, воспитываем презрение к таким людям.

А христианское вероучение? На первый взгляд кажется, что оно также осуждает корыстолюбие: вспомним хотя бы призывы о любви к ближнему. Но это только на первый взгляд. Мы уже говорили о том, что, согласно христианскому вероучению, главное в жизни верующего — это любовь к богу и «искание царствия его». «Ревность о спасении... является в духовной жизни главным двигателем вперед», — учат современные

православные богословы¹. И речь идет о личном спасении, о завоевании места в царстве небесном прежде всего для себя. В таком случае на первый план вольно или невольно выдвигаются личные мотивы. Христианская религия приучает верующего думать прежде всего о себе. Достижению своего собственного «спасения» подчиняются все другие помыслы и поступки христиан, в том числе и дела любви. И эти стремления верующих религия не только не осуждает, а, наоборот, поощряет: думай о своем «спасении», делай для этого все, что велит отец небесный, и место в раю будет тебе обеспечено.

Эта мысль тоже невольно проникает в сознание искренне верящих христианскому учению людей, овладевает их помыслами, становится смыслом их земного существования. А это, конечно, снова накладывает свой отпечаток на христианскую заповедь о любви, выхолащивает ее земное содержание.

Итак, мы рассмотрели вопрос, какое место в общей системе христианских воззрений занимает заповедь о любви к ближнему, увидели, что сама христианская религия отводит ей, по существу, второстепенное место.

Посмотрим теперь, как отвечает христианство на вопрос: на кого же должна распространяться христианская любовь, кого надо считать ближним своим?

КТО ТВОЙ БЛИЖНИЙ!

Казалось бы, для верующих это простой вопрос. Однако если почитать «священные» книги, то в них можно найти совершенно различные, даже противоположные ответы на него.

¹ «Журнал Московской патриархии», 1962, № 2.

Один ответ: моими ближними являются только «братья» и «сестры» по вере, последователи одного со мной вероучения, исполняющие одни и те же обряды. Их надо любить, им надо помогать. «Кто будет исполнять волю отца моего небесного, тот мне брат и сестра и мать», — поучал, согласно Евангелию, Христос. Ну, а что касается тех, кто не верит в бога, или верит, но другому богу, или даже просто молится ему по-иному, то они любви недостойны, больше того, к ним можно испытывать и враждебные чувства. Вспомним приведенное выше повеление Христа о карах тем, кто не принял его пророков.

Подумаем над этими поучениями. Вот ты, предположим, член секты евангельских христиан-баптистов. Рядом с тобой, на заводе, в колхозе, работают неверующие. Они твои товарищи, вместе с ними ты честно трудишься. Они делают с тобой все заботы, помогают, поддерживают тебя в трудную минуту. Но ты не считаешь их ближними — ведь они не верят в твоего бога.

А далеко за океаном, в Соединенных Штатах Америки, миллиардеры, Рокфеллеры, Форды, в чьих интересах ведутся позорные захватнические войны, по чьей вине вынуждены голодать многие американцы, против всевластия которых двигались недавно по дорогам США колонны «похода бедноты», по вероисповеданию баптисты, следовательно, «братья» твои по вере.

А для трудящихся католиков, которых немало еще у нас в Прибалтике, — кто для них будет ближним: палач испанского народа Франко, бывший президент США Джонсон, вдохновитель грязной войны во Вьетнаме? Ведь они тоже католики. Но скажи такое верующим нашей страны — они возмутятся: ведь они, как и неверующие, честно трудятся и ненавидят тех, кто несет человечеству несчастье и гибель. Врагов трудящихся, эксплуататоров, поджигателей войны они, конечно, не

считают своими ближними, хотя и исповедуют одну с ними религию.

Определение ближнего только как единоверца в христианском учении — не единственное. Очень часто понятие «ближний» распространяется на всех людей вообще. Христианство учит: надо любить всех людей, как себе подобных, как детей одного отца — всевышнего бога. «Будьте в мире со всеми людьми», — поучает Новый завет. «Все люди по единству происхождения, а еще более по благородному званию между собой — братья», — писал в одном из своих посланий патриарх Алексий¹.

Пожалуй, такое определение ближе рядовому верующему. Ближние для него те, с кем он сталкивается в обычной жизни — на работе, дома, на отдыхе. Однако при чем здесь христианство и его поучения? Не правильнее ли будет такое понимание «ближнего» объяснить простой житейской мудростью: живи в мире с теми, кто тебя окружает.

На первый взгляд даже кажется, что нет никакой разницы между христианским пониманием ближнего и тем, как рассматривают отношения между людьми атеисты. Это, конечно, не так. Сходство лишь кажущееся. А заблуждение можно объяснить тем, что в основе христианского толкования «ближнего» (как и в основе поучения о христианской любви) лежат земные, человеческие чувства. Большинство людей, естественно, стремится к миролюбивым отношениям друг с другом, к доброжелательству. Человеку, как правило, свойственно видеть в окружающих его людях своих друзей, своих ближних. И это свойство человеческого характера — веру в добро христианская религия тоже приписала себе, выдала за божественное.

¹ «Журнал Московской патриархии», 1958, № 1.

Однако понятие добра весьма относительно: то, что является добром для одних людей, может оказаться злом для других. Возьмем самый яркий пример. Победа социалистической революции в нашей стране явилась счастьем, благом для всего трудящегося народа: рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции. Но та же революция отняла богатства у помещиков и капиталистов, лишила их возможности вести привычную для них благоустроенную жизнь. Если смотреть с точки зрения большинства — народа, то установление Советской власти было добром; с позиции же свергнутых классов — непоправимым злом.

Но раз нет равного для всех добра, не может быть и равного ко всем отношения. Мы не можем считать всех без исключения людей своими ближними, не можем одинаково на всех распространять свое доброжелательство и свою любовь. Нужно любить не всех в общем и не все в каждом, а любить друг в друге — только доброе, прекрасное, истинное и ненавидеть злое, уродливое, лживое. Для нас существует одно незыблемое правило: хорошо относиться, прежде всего, к тем, кто честно трудится, кто все свои силы и знания отдает на то, чтобы жизнь людей была счастливой и спокойной, кто ведет борьбу за эту счастливую жизнь. И, конечно, если смотреть широко, как бы выйти за пределы нашей страны, нам ближе всего те, кто восстает против угнетения и насилия — участники революционной борьбы против капитализма, участники национально-освободительной борьбы. Это наши братья, наши ближние.

Мы готовы жить в мире со всеми странами и народами, готовы щедро помогать, делиться опытом с теми, кто этого хочет.

Не случалось ли вам встречать на улицах Москвы да и других городов нашей страны то белозубого, широко улыбающегося африканского негра, то стройную

смуглую индийскую девушку в ярком, причудливом наряде, то с огненными глазами юношу из Латинской Америки, слышать от них слова приветия на нашем, русском языке. Эти люди приехали к нам надолго: получить образование в наших учебных заведениях, поработать на наших заводах, поучиться жить у советских людей. Гостеприимно открываем мы двери вузов для посланцев мира и труда всей земли, щедро делимся с ними нашим опытом и знаниями. При этом нас не интересует, верят ли в бога наши гости, в какого бога верят, как ему молятся. Для нас важно, чтобы они свои силы, знания отдавали на благие дела мира и счастья людей труда. Откликнутся они на наши призывы — будут иметь право на наше уважение, нашу любовь.

Итак, если смотреть широко — оглядываться на прошлое, думать о других странах и народах, ясно, как определить, кого можно считать ближним, а кого нет. Нам не могут быть близки те, кто строит свою жизнь на насилии, эксплуатации, кто разжигает грязные войны, держит в нищете и зависимости целые страны и континенты. Нельзя любить одинаково угнетенных и угнетателей, палача и его жертву. Наши симпатии, наши добрые чувства всецело на стороне тех, кто борется против капитализма, эксплуатации.

Меня могут остановить, возразить: пусть вы правы, но при чем здесь религия? Ведь вы сами говорили, что верующие нашей страны готовы поддерживать борьбу против насилия и зла. Да, конечно, верующие, живущие в условиях нового общества, свидетели, а многие и участники войны против фашизма, всей душой ненавидят угнетение, любят свою советскую Родину. Для них не существует всеобщей любви, когда речь идет о событиях в большом масштабе. Но надо сразу сказать, и хочется, чтобы верующие задумались над

этим,— такое признание противоречит самим религиозным поучениям: «священные-то» книги говорят именно о всеобщей любви, не делая различия между угнетенным и угнетателем. И Ветхий и Новый заветы даже оправдывают угнетение. Никогда Христос не призывал к борьбе против власти римлян, правивших тогда Иудеей. В Евангелии содержится любопытный рассказ. Христа спросили, надо ли платить подать кесарю (римскому императору), и он ответил: «Отдавайте кесарево кесарю, а божие — богу», то есть поддерживайте императорскую власть. Правда, Христос, согласно тому же Евангелию, обещал беднякам награды большие, чем богатых, но только «на том свете», после телесной смерти. На земле же порядок неравенства должен существовать нерушимо.

Согласитесь, что христианский призыв ко всеобщей любви, если точно следовать «священным» книгам, распространяется на всех людей, в том числе и на эксплуататоров, угнетателей, врагов трудящихся. Отрицая это, верующие, в силу своих внутренних убеждений, по существу, отрицают и сами религиозные поучения.

Ну, а если отвлечься от мировых проблем, обратиться к нашей повседневной, обычной жизни, как тогда можно рассматривать христианское понимание всеобщей любви? Конечно, в нашем обществе люди, за исключением очень немногих,— это честные труженики. Общие цели, интересы сближают людей, сплачивают коллективы. В здоровом коллективе между людьми устанавливаются товарищеские, дружеские отношения. Люди становятся близкими друг другу. Личные же отношения складываются в зависимости от индивидуальных склонностей, симпатий каждого.

Религия же личные свойства человека — и того, кто любит, и тех, на кого любовь распространяется — во внимание, по существу, не принимает. Христианство

зовет любить человечество вообще, как нечто близкое, абстрактное. И некоторые верующие так и считают: надо любить всех людей потому, что так велел бог, следует угождать богу, выполнять свой долг перед ним.

Я люблю людей потому, что так велел Христос, рассуждают некоторые верующие. Этим я доказываю свою верность христианскому учению и одновременно удовлетворяю свою душевную потребность. Люди, которых я люблю, пусть получают мою помощь, поддержку, а на кого эта поддержка будет распространяться, не так уж и важно.

Да, к таким выводам можно прийти, если принять христианское положение о всеобщей любви. Но эти выводы неверны. Любить всех одинаково человек не может: это привело бы к полному безразличию, равнодушному отношению к людям, стремлению лишь формально соблюсти нормы человеческой морали.

Но не только это характеризует христианскую всеобщую любовь. Эта любовь не хочет видеть различий в поведении, поступках людей. Для нее все люди одинаковы. Но разве даже в нашем обществе, где подавляющее большинство его членов — честные, самоотверженные труженики, нет таких, которые мешают нам жить спокойно и счастливо? Разве перевелись у нас воры, хулиганы и прочие преступники? Встречаются еще у нас и грубость, и неуважение к старшим, эгоизм, карьеризм и другие пороки. Что ж, носителей этих пороков мы тоже должны считать ближними, тоже должны любить?

Говорила я не один раз на эту тему с верующими и иногда получала такие ответы: что же, возражали мне, можно любить даже преступников. Ведь любить по-христиански — значит жалеть любимых, скорбеть за них. А мы таких людей как раз и жалеем: они со-

грешили, сами себя обрекли на горе и вечное загробное мучение.

Пусть какая-то доля истины в таких рассуждениях есть: человек может встать на неправильный путь по слабости характера, попасть под дурное влияние. Его можно и пожалеть, может возникнуть желание помочь ему выбрать верную дорогу в жизни. С этим можно согласиться. Но как помочь? Чем помочь? Как вернуть преступнику человеческий облик? Каким путем преодолеть укоренившиеся в человеке порочные наклонности или недостатки? Вот на этот вопрос верующие и неверующие дают совсем различные ответы. Какие же?

ЛЮБИТЬ И НЕНАВИДЕТЬ

Начну с одного житейского эпизода. Меня разбудили шум и крики под окнами. Послышался сигнал милицейской машины, чья-то пьяная ругань. Все понятно. Опять скандал в соседней квартире: муж вернулся под утро пьяный, выгоняет на улицу жену с ребенком. Сколько раз соседи, домовый комитет требовали вызвать милицию, отдать дебошира под суд. Жена вроде и соглашалась, а вот теща каждый раз уговаривала: обождите, возьмется за ум. На этот раз терпение, видимо, истощилось: хулигана отправили куда следует.

Толпа постепенно разошлась, только несколько женщин еще беседовали между собой. Я услышала чей-то укоризненный голос:

— Эх, вы, потерпеть не могли! Божью заповедь забыли! Учил господь: прощать врагам надо, терпеть, а вы сразу — суд, милиция!

Говорила женщина с соседнего двора; все знали ее как глубоко верующую, ревностную прихожанку православного храма.

— Да сколько терпеть?! — возразила ей теща увезенного дебошира. — Я много прощала, больше не могу.

— А еще христианкой себя называешь, — вновь откликнулась ее собеседница. — Нет в тебе настоящей любви к людям!

Очень показательный разговор, имеющий самое близкое отношение к интересующему нас вопросу. Отличительными чертами христианской любви являются всепрощение, непротивление злу, любовь к врагам своим. Христос, согласно Евангелию, призывал: «Кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую», и даже: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинаящих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас».

Современные православные священники тоже напоминают: «Все мы братья и сестры во Христе, призванные прощать даже ненавидящих нас и обнимать с братской любовью друг друга, всех людей»¹. Им вторят баптистские пресвитеры: «Какой славный пример дан нам нашим распятым спасителем на Голгофе — молиться за наших врагов и благотворить ненавидящих нас»².

Все эти поучения считаются высшим проявлением, вершиной христианской любви. Любить друзей все могут, говорят часто последователи христианства, это, мол, нетрудно, а вот любить врагов способны только те, кто познал учение Христа.

Интересно, когда зародились мысли о непротивлении злу, о любви к врагам? Кому они были нужны?

Заглянем-ка мы ненадолго в историю христианства. Давно, около двух тысячелетий назад, в рабовладельческой Римской империи, в гуще угнетенных слоев населения возникла легенда о Христе-спасителе, который

¹ «Журнал Московской патриархии», 1967, № 7.

² «Братский вестник», 1968, № 6.

придет, уничтожит земную несправедливость, установит строй, где будут господствовать отношения равенства и любви.

Но шли годы. Христианство уже стало официальной религией Римского и других государств, а жизнь трудящихся не становилась легче. Господствующим классам не нравилась раннехристианская проповедь о царстве равенства на земле: никакого равенства они, конечно, не хотели. И христианская церковь в угоду правящим слоям стала внушать верующим, что человек может получить блаженство не на земле, а только на небе, после телесной смерти, что причина же зла кроется в самом человеческом сердце, и изгнать зло можно лишь одним способом: любить всех людей, прощать им обиды, несправедливость, прегрешения.

Нетрудно понять, как выгодны были подобные поучения эксплуататорам. Ведь если, согласно христианской морали, все отношения между людьми строятся на всепрощении, то угнетенные должны любить своих угнетателей, прощать им все притеснения, лишения, отказываться от борьбы за улучшение своей жизни на земле во имя очищения сердца и загробного воздаяния.

Да, так было в прошлом.

Но ведь в нашей стране нет угнетенных и угнетателей, все люди действительно равны друг другу. Значит ли это, что мы можем теперь принять христианское требование всепрощения, непротивления злу? Разве в наше время нет у нас врагов, внешних и внутренних?

Надо оговориться, что сейчас христианские проповедники у нас обычно не решаются призывать к прощению врагов общества, агрессоров, поджигателей войны, шпионов и пр.—такие призывы не стали бы слушать верующие. Они зовут прощать только личных врагов, принесших зло данному человеку.

Но, прежде всего, правомерно ли так искусственно делить врагов на общих и личных? Оскорбил меня хулиган, обидел грубый начальник. Конечно, это, прежде всего, мое дело. Но ведь эти люди могут принести вред и другим. Мой личный враг часто является и врагом всего общества. Так должна ли я его прощать?

И потом: как же требование всепрощения, непротivления злу согласовать с призывом к любви? Нет ли здесь противоречия? Представим себе такую ситуацию. Глубоко и искренне верующий человек подружился с кем-то, полюбил кого-то. А у этого человека есть недоброжелатели, предположим, незаслуженно обижают его соседи, несправедливо относятся к нему на работе. Если вы любите этого человека, вы, естественно, захотите помочь ему добиться справедливости на службе, утихомирить соседей-скандалистов. Но в то же время вы должны сказать своему товарищу или подруге: не противься злу, терпи, прощай, молись за тех, кто тебя обидел. А в результате — все останется без изменений, и любимый вами человек будет жить так же плохо.

Вот и получается, что христианские поучения противоречивы: с одной стороны, надо любить людей, помогать им во имя бога, а с другой — отказываться от борьбы с теми, кто мешает человеческим отношениям между людьми. Нет, не согласуется с любовью такое чувство, которое допускает нанесение обиды любимому существу, унижает его человеческое достоинство. Если любишь человека — хочешь ему хорошего. Это признают и христиане. Но что же хорошего в том, если твой ближний терпит незаслуженные обиды и оскорбления и должен прощать их?

Как-то в разговоре с верующими я высказала эту мысль и опять услышала возражение. Нет, сказали мне, простить причиненное зло — не унижение, а высшая радость. Это победа над самим собой, над своими тем-

ными страстями, над грешной плотью. Главное — свое сердце чистым сохранить, чтобы ничто не мешало общению с господом. А прощение врагов, терпеливое отношение к злу — верное средство внутреннего очищения.

Посмотрим, что получится, если примем для себя рассуждения моих собеседников. Прежде всего, мы видим, что, прощая содеянное зло, верующие думают только о себе: хорошо, приятно, радостно ведь будет именно тому, кто простил. Верю, что искренне верующие так думают, даже так чувствуют. Допускаю, что ощущение покоя, душевной чистоты могут испытывать сами простившие. Простить, не держать в сердце обиды иногда очень приятно. Как часто приходится слышать от верующих, особенно после прощенного воскресенья или пасхи — всем все простили, как на сердце теперь легко стало.

Это тоже естественное человеческое чувство. Большинству людей чужда злоба, ненависть, им хочется доброты, тепла. Церковь, религия и здесь простому людскому стремлению постарались придать божественный характер. Они учат, что верующие будто бы очищают себя прощением не потому, что сами того хотят, а потому, что так бог велел. Прием для религии, как видим, не новый.

Ну, хорошо, верующий простил своего врага от всего сердца, сам испытал облегчение. Ну, а другим людям, обществу от этого легче, лучше? Ты простил хулигана, пьяницу, скандалиста — он, что, исправился? Перестал приносить вред? Конечно, нет. Наоборот, часто бывает, что безнаказанность, попустительство приводят к тому, что злые, грубые, распущенные люди еще больше наглеют, распоясываются, и зло, приносимое ими, усиливается. Сцена, рассказанная в начале главы, тому подтверждение. Верующему-то, может быть, и хорошо от

сознания своей доброты, кротости, а окружающим часто становится хуже.

Где же здесь любовь к ближнему, если главное беспокойство вызывают не судьбы людей, а лишь заботы о своем душевном состоянии. В таком случае исчезает сама идея любви, потому что примирение с недостатками никак не может сочетаться с настоящей любовью. Подлинное человеколюбие всегда сочетается с нетерпимостью к несправедливости, нечестности, к нарушителям общественного спокойствия.

Мы учим людей любить, но мы учим и ненавидеть. Верно говорил, обращаясь к молодежи, прославленный Маршал Советского Союза В. И. Чуйков: «Любовь не существует изолированно от ненависти. Я не верю во всепобеждающую силу любви, если рядом с ней не живет ненависть к тому, что мешает жить людям»¹.

Только там расцветает настоящая любовь, где она связана с желанием оградить человека от горя, обид, несправедливости. Только тот действительно любит людей, кто, не думая о себе, не боясь за свое благополучие, старается восстановить справедливость, защищать друзей, товарищей, даже незнакомых.

Такое понимание любви требует несравненно больших сил, чем всепрощение христиан. Простить легче, чем бороться. Молиться за врагов своих проще, чем победить их.

Меня могут спросить: что же атеисты совсем отрицают возможность прощения? Действительно, умеем ли мы прощать? Конечно, умеем. Надо прежде всего научиться отличать большое от малого, действительное зло — от мелочных нападок. Надо уметь встать выше будничных ссор, мелких стычек, прощать обиду, причиненную в запальчивости, в гневе. Человеку, не злому

¹ Журнал «Сельская молодежь», 1967, № 11.

от природы, но вспыльчивому, не сдержанному, потом самому будет стыдно, и он, наверное, подумает, прежде чем повторит свой поступок.

Или возьмем борьбу с преступностью. Наказания, накладываемые советскими судами, в большинстве случаев преследуют цель помочь осужденному осознать свою вину перед обществом, искупить ее, а самому встать на путь честного труда. Лиц, совершивших проступки, не представляющие большой социальной опасности, или впервые, случайно вставших на путь правонарушения, суды часто передают на перевоспитание коллективу.

Да, мы умеем прощать. Но прощение прощению рознь. Христианская религия зовет прощать врагов, чтобы приблизить сердце прощающего к богу, удовлетворить тем самым личные потребности верующего. А мы, прощая или наказывая, исходим из интересов всего общества, смотрим, не принесет ли прощение вреда окружающим нас людям. А ведь если хорошенько подумать, то такая требовательность и есть величайшее проявление человеколюбия.

Любить человека — это значит бороться за него, стараться пробудить в нем лучшие чувства, вызвать к жизни лучшие черты характера и в конечном счете сделать его счастливым. Не мириться с недостатками и пороками людей, а исправлять, искоренять их — в этом смысл подлинной любви к людям.

Вижу, как несогласно качают головой верующие, читая эти строки.

— Ненавидеть! Наказывать! Осуждать! — воскликнут они. — Да разве это дано людям? Разве они со своим несовершенным умом и сознанием могут быть судьей своего ближнего? Нет, такое право принадлежит одному только богу — высшему судье и распорядителю судеб людских.

Подумаем немного и над этим возражением. Действительно, христианская религия утверждает, что только богу принадлежит право или осудить, или оправдать человека, совершившего проступок. «Мне отмщения, и я воздам»,— говорит, как повествует Ветхий завет, бог. «Един законодатель и судия, могущий спасти и погубить: а ты кто, который судишь другого»,— вторит Ветхому Новому завету.

Конечно, мы должны сразу оговориться, что подавляющее большинство верующих, даже признающих верховную судебную власть бога, его незыблемое право на кару или прощение, не отрицают признания ответственности человека перед обществом, перед законом. Мало кто из верующих не обратится за защитой к людям, к судебным органам, если его оскорбят, если ему нанесут какой-нибудь ущерб.

Но с точки зрения христианской религии, мирское наказание не главное. Главное — это заслужить прощение бога. Об этом часто говорят и современные христианские вероучители. Один баптистский богослов делился с верующими своими «огорчениями». «Недавно мне довелось слушать беседу, которая меня весьма огорчила,— пишет он.— Некоторые люди согрешили, по мнению других. И что же хотят последние? К позорному столбу: требуют публичного всенародного покаяния через печать. Но не такого покаяния ожидает господь»¹. И дальше проповедник разъясняет, как же должен каяться грешник: прежде всего, припадая к ногам господу и вымаливая у него прощение.

Прощение же это заслужить не так уж трудно, надо лишь вовремя попросить бога отпустить свои прегрешения. И сделать это никогда не поздно: можно прожить беспутную жизнь, принести много зла людям, а перед

¹ «Братский вестник», 1969, № 4.

смертью покаяться и получить не только полное прощение, но даже награду. Христианские проповедники очень часто повторяют верующим один евангельский рассказ, подтверждающий эту мысль. В одном из Евангелий говорится, что когда на Голгофе распяли Христа, то вместе с ним распяли и двух злодеев-разбойников. Один из них издевался над Христом, а другой стал унижать жулителя и вдруг, поверив в Христа, попросил его: «Помяни меня, господи, когда приидешь в царствие твое», на что Христос ответил: «Ныне же будешь со мною в раю». И из этого рассказа следует обычно вывод: Христос имел право простить и простил того, кого осудили люди.

Снова мысль, о которой мы уже говорили: все в воле божьей, все зависит от бога.

Но если все зависит от бога, если бог всевластен над судьбой человека, то что может дать человеку простая людская любовь, пусть даже та, которую верующие называют христианской? Поможет ли она человеку, сделает ли его жизнь лучше, счастливее?

БОРОТЬСЯ ИЛИ СМЯРИТЬСЯ!

Для начала послушаем одну историю. Случай как-то свел меня с женщиной, которая, как я потом узнала, сравнительно недавно стала посещать церковь. Завязался откровенный разговор, и моя новая знакомая рассказала, как она стала верующей.

— Я рано овдовела, — говорила она, — и всю свою жизнь посвятила единственному сыну. Мальчик рос послушным, ласковым. Думала, выращу его, дождусь внуков, порадуюсь на них, а там и умру спокойно. Но постигло меня страшное горе: погиб, утонул мой ненаглядный сыночек. Я ни на что смотреть не хотела, думала руки на себя наложить. И вот судьба послала мне

добрых людей. Поддержали они меня, открыли высокий смысл христианского учения, дали силы снести испытание, смириться перед волей божьей. Теперь вот живу, не ропщу.

— Работаете?

— Надомницей. Раньше-то я ткачихой была, даже передовой. Да стало мне на фабрике как-то не по душе: там шум, смех, разговоры. А мне одной хочется побыть. Да и для молитвы, для церкви время выбрать удобнее, когда дома работаешь.

— Ну и как, довольны?

— Какое уж сейчас удовольствие! Это раньше было: планы перевыполняли, премии, знамена получали.— В глазах собеседницы мелькнуло что-то живое, должно быть, отблеск былых радостей. Но снова вздох.— Теперь все это мне ни к чему, счастья не видать, надо терпеть, молиться, безропотно нести крест свой. На все воля божья!

Задумалась я над рассказом несчастной матери. Как все-таки много значит вовремя морально поддержать человека, принять в нем участие, просто поплакать вместе.

Правильно говорится: разделенное горе — полгоря. Иногда человеку кажется, что он потерял в борьбе с невзгодами все силы, что жизнь утратила для него всю свою привлекательность. Вот в таких случаях и надо уметь помочь ему найти себя. А как?

Главное, по-моему, внушить страдающему человеку мысль о том, что он необходим, нужен людям, пробудить в нем желание думать о других. И это сознание необходимости поможет побороть собственное несчастье, начать новую жизнь, снова обрести смысл своего существования. Надо научить потерявшего силы человека новой любви — любви к жизни, к людям.

Прекрасно говорил в свое время Феликс Дзержин-

ский, пламенный революционер, человек кристальной души и мужественного сердца: «Где есть любовь, там нет страдания, которое могло бы сломить человека... А где есть любовь и забота о других, там нет отчаяния».

Такая помощь — жизнеутверждающая. Она требует и от друзей, и от самого пораженного горем человека напряжения всех сил. Она зовет к борьбе, пробуждает энергию, человеческую гордость и, в конце концов, побеждает.

Да, борьба, именно борьба за человека, во имя человека — в этом смысл подлинного понимания душевной поддержки.

Расскажу еще одну историю.

В круглосуточных яслях на углу нашей улицы работает воспитательницей Наталья М. Раньше всех приходит, позже всех уходит с работы эта тихая, всегда мягко улыбающаяся женщина. Ребятишек от нее не оттащишь: цепляются за платье, лезут на колени, целуют, обнимают. А она так и светится лаской. Я поразились, когда мне сказали, что год назад Наташу буквально вынули из петли. Не в силах была она снести известие, что любимый муж и двое маленьких детей погибли в авиационной катастрофе. Друзья не оставили бедную Наташу, удержали ее от самоубийства, помогли обрести новый интерес в жизни. Знали они, что Наталья до самозабвения любит детей, и убедили ее идти работать в ясли. Начала понемногу оживать убитая горем женщина, отдаваясь без остатка своей благородной работе.

Вот перед нами две схожие истории, а судьбы осиротевших матерей разные. Хорошо, что нашлись у Наташи действительно любящие ее друзья, сумевшие пробудить в ней силы, найти то сокровенное, что копилось в душе и дало ей новую жизнь, возродило, спасло от отчаяния.

А та, другая... Не дождалась помощи от своих товарищей. Правда, ей ведь тоже помогли. Проявили по отношению к ней христианскую любовь. Но как, зачем? Научили думать о других? Подсказали, на кого излить нерастраченные силы чувств, где удовлетворить свою потребность приносить пользу людям? Нет, просто внушили ей, что мир с его радостями для нее потерян, а ей остается одно — смириться, терпеть, безропотно нести свое горе. Вот и замкнулась в себе женщина, еще полная физических и душевных сил, отошла от любимой работы, потеряла радость и смысл жизни.

Идея смирения, покорности насквозь пронизывает все христианское вероучение. Одной из высших добродетелей верующих оно считает умение сознавать свое безволие перед богом, не роптать и терпеть, терпеть...

«Претерпевший до конца — спасется», — говорится в одном из Евангелий.

«Смирение есть начало всякой добродетели... без него невозможно ни духовно-нравственное совершенствование, ни спасение христианина», — учат современные христианские богословы¹.

«Почему так много духовной гордости и так мало смирения в сердцах тысяч детей господних?» — горестно вопрошают баптистские проповедники².

Идея смирения идет рука об руку с идеей христианской любви, накладывает на нее свой отпечаток. Любить, поддерживать людей — значит, по мнению христианства, научить их не бороться, а смиряться, не преодолевать трудности, а покоряться обстоятельствам.

Но могут ли помочь страдающему человеку такие поучения? Ведь если отказаться от борьбы, погаснут внутренние силы, не будет воли к сопротивлению. Сми-

¹ «Журнал Московской патриархии», 1967, № 3.

² «Братский вестник», 1967, № 1.

рение приводит к тому, что человек уходит в себя, теряет интерес к жизни. Тусклым, бесцельным становится его существование. Гибнут способности, вянут прекрасные природные качества, которые при других условиях могли бы расцвести, принести пользу людям.

Так ведь и было с той женщиной, которую после гибели сына «утешили» верующие, возможно, совершенно искренне, из самых хороших побуждений, из христианской любви. Но с этим еще как-то можно примириться. Человек, смирившийся со своим горем, покорившийся «воле божьей», все же живет, пусть серо, безрадостно, но живет.

А вот как быть с физически больными? Спросите любого врача, и он ответит вам, что при всякой болезни без помощи самого больного, его воли, большого желания преодолеть недуг не поможет никакое лечение.

Помните, в больнице, о которой шла речь в начале нашей беседы, мы встретились с учительницей Галиной Сергеевной. Перед ее волей к жизни отступил тяжелейший недуг. А пробудили эту волю горячая любовь друзей и настойчивые требования: живи! Галина Сергеевна почувствовала, что она нужна людям, что за нее идет упорная борьба, и это сознание дало ей силы преодолеть болезнь.

Но что будет, если больному человеку все время внушать: не ропщи, смирись. Найдет ли он в себе силы для борьбы? Очевидно, нет. Да и зачем, с точки зрения христианского вероучения, бороться, если все зависит от бога, а человеку дозволено лишь покорно подчиниться его воле. Больше того, даже само страдание христианская религия считает благостным. Страдание, учит религия,— «венец и слава добра», школа терпения. Оно сближает с богом, помогает искупить свои грехи перед ним, делает человека подобным Христу, пострадавшему за людей. Значит, сама болезнь — тоже проявление бо-

жественной заботы о человеке, и зачем же тогда с ней бороться?

Вот и получается, что верующему ничего не остается, как считать несчастья и болезни божьим испытанием.

И еще одно требование содержит в себе наше понимание любви к людям: надо научить человека преодолевать самому свои недостатки, воспитывать сильную волю, собственное достоинство, нетерпимость к злу, желание с ним бороться.

Как-то случайно услышала я, как разговаривали две молодые женщины:

— И как ты позволяешь ему так с собой обращаться!? — С гневом восклицала одна. — Ведь он тебя просто за человека не считает — оскорбляет, пренебрегает тобой, а ты все терпишь, молчишь.

— А что я могу сделать? Ведь он мне муж, я его люблю... — тихо отвечала другая.

— Ну и что ж, что муж! Ну и что ж, что любишь! Разве любовь совместима с унижением? Есть же у тебя какая-то женская гордость. Возьми себя в руки, не раскисай, не плачь, не унижай себя, в конце концов. И тебе, и ему, когда он поймет, что неправ, потом лучше будет.

Хорошая обида за свою подругу звучала в голосе говорившей. Чувствовалось, что она по-настоящему страдает за знакомую ей семью, горячо хочет помочь своим друзьям наладить нормальную жизнь.

Что же сказало бы в этом случае христианское верование? Да то же самое, о чем мы уже вспоминали, — терпи. В качестве подтверждения этой мысли приведем одно рассуждение православного богослова прошлого, настоятельно рекомендуемое верующим и современными проповедниками. «Подчинись научающему тебя принять христово смирение, ни в чем не противясь... Кто-

либо оскорбил тебя словом, не сердись, поелику и Христа... поносили. Ты получил тяжкую обиду от ближнего? Но Христос перенес и заушения. Ты опозорен? Но господь претерпел и оплевания... Ты в бесчестии? Но и над Христом глумились... Тебя мучат? Христос тоже был распят... однако же и пригвожденный ко кресту, он молился за распинателей своих»¹.

Не правда ли, сколько унижительного содержится в этих христианских призывах? Сноси с кротостью любые оскорбления, не помысли даже возмутиться. Попирай свою законную гордость, откажись от чувства самоуважения.

Где же здесь любовь к человеку? Права была та женщина, которая так гневно осуждала свою подругу в услышанном мной разговоре — любовь к человеку несоместима с унижением его.

Некоторые верующие, следуя христианским поучениям, думают, что даже унижение, испытываемое человеком, может служить доказательством его любви. Баптисты считают, например, что «...надо стараться полюбить того, кто оскорбил тебя, твое нравственное чувство, и тогда свет любви, таившийся в тебе, возгорится еще ярче и радостнее»². Истинный христианин, по их мнению, не должен думать о себе. Ему следует быть великодушным, терпимым.

Но можно ли утверждать, что снисходительность, терпимость — единственное и всеобъемлющее средство борьбы со злом? Конечно, иногда проявить великодушные — уместно. Иногда допустимо и не ответить злом на зло, если мы твердо уверены, что человек, принесший людям неприятности, сам поймет свою неправду, осознает свою вину и никогда больше так не поступит.

¹ «Журнал Московской патриархии», 1969, № 4.

² «Братский вестник», 1961, № 3.

Однако несбыточными будут надежды, что всепокрывающая, всепрощающая любовь преодолет все пороки и преступления. Коммунистическое отношение к людям предполагает требовательность к их поведению, осуждение недостатков, действительную помощь в их исправлении.

Христианская любовь не может принести людям, попавшим в беду, настоящей поддержки. Она лишь ослабляет жизненные силы, тушит энергию, необходимую для борьбы с невзгодами.

Вполне возможно, что некоторые верующие возражат мне: может быть, и так, может быть, смирившийся человек и не справится с жизненными невзгодами. Так ведь главное и не в этом. Главное в том, чтобы помочь человеку прийти к богу, познать его, предаться всей душой его воле и тем выполнить высшее назначение христианина в этом мире.

Так вот к чему, в конечном счете, сводится христианская любовь — привести человека к богу! С точки зрения убежденного христианина, это оправдано: ведь для самого верующего в познании бога, в общении с ним — весь смысл его земного существования, надежды на вечное бессмертие.

Но тогда земную жизнь людей, их чувства, радости, горести, страдания верующие уже не могут расценивать как главное, даже как что-то очень важное. А значит, и земные взаимоотношения между людьми — помощь, поддержку, христианскую любовь — тоже нельзя уже рассматривать как основу всей жизни верующего, как пытается утверждать сама христианская религия. И здесь земной характер любви, ее общечеловеческое содержание теряется, любовь к человеку растворяется в любви к богу, сводится к признанию и исполнению его распоряжений. Естественные человеческие чувства подчиняются сверхъестественному существу. Во имя при-

знания этого несуществующего властителя, во имя иллюзорного, вымышленного царства небесного люди должны подавлять свои живые, реальные стремления, отказываться от борьбы за лучшую жизнь на земле.

Однако надежды на загробное существование — лишь сладко убаюкивающая мечта, греза, уводящая от реального, земного мира. Мы живем только одну жизнь. За гробом для нас не остается ничего. А на земле у людей память о нас может жить долго. Бессмертие не в райских кущах, а в делах, совершенных при жизни. «Подвиг твой бессмертен», — слова, высеченные на могиле Неизвестного солдата у стен Московского Кремля, — символ вечной памяти, вечной благодарности тем, кто отдал свою жизнь за счастье людей. И путь к такому бессмертию — горячая, самозабвенная любовь к людям. Жить во имя людей, для людей — в этом и заключается подлинный смысл любви, не божественной, а живой, земной, реальной любви.

ТАК ЧТО ЖЕ ЭТО ТАКОЕ — ХРИСТИАНСКАЯ ЛЮБОВЬ!

Наш разговор подходит к концу. Попытаемся теперь подытожить все то, что говорилось на этих страницах. Попробуем ответить на три заключительных вопроса.

Во-первых, существует ли вообще христианская любовь? Да, существует. Это чувство, возникшее из простой земной потребности людей в благожелательных отношениях друг к другу, потребности помогать другим, поддерживать их и воспринятое христианской религией. Но христианство не просто восприняло, оно видоизменило существо, содержание любви, связало его с главными поучениями религии, подчинило этим поучениям. Любовь к людям в свете христианского веро-

учения становится проявлением любви к богу, богоугодным делом, средством избежать божеского наказания или получить от бога награду. Характер любви изменился. От людей она переносится к богу. Конечно, земное содержание любви совсем не исчезло — у большинства рядовых верующих оно сохранилось. Многие верующие, люди доброжелательные, в силу своих душевных потребностей хорошо относятся друг к другу, к людям. Призывы же христианского вероучения отвечают этим потребностям, находят отклик в душе и сердце таких его последователей.

Во-вторых, приносит ли христианская любовь счастье людям, облегчает ли им жизнь, помогает ли переносить невзгоды? Кое в чем помогает, кое в чем облегчает. Та помощь, то сочувствие, душевная поддержка, которую верующие оказывают другим, пусть во имя бога, иногда приносят пользу тому или иному человеку. Однако наряду с хорошим можно отыскать и немало плохого, даже вредного, причем в самом главном.

Христианская любовь связана с евангельскими поучениями о терпении, смирении, всепрощении, непротавлении злу, любви к врагам своим. Отсюда возникает непримиримое противоречие: с одной стороны, христианство учит человеколюбию, с другой — отказывается от борьбы с тем, что мешает установить подлинно доброжелательные, спокойные отношения между людьми. Но если отказаться от борьбы со злом, с нашими недостатками, они будут непомерно разрастаться, отравлять людям жизнь. Нет, так нельзя понимать любовь к людям. Любить людей — значит бороться за их счастье, быть нетерпимым к несправедливости, нечестности, преступлениям. Отказ от этой борьбы, примирение со злом сводят на нет то, что провозглашает христианская любовь, превращает ее лишь в формальное выполнение заповедей любви. А дела милосердия,

связанные с отказом от борьбы за действительно достойную человека жизнь, настоящего счастья ему не принесут.

Далее — христианская любовь связана не только с требованием примирения, но и с так называемой волей божьей — с вымышленными повелениями бога. Волезна, невзгоды, несчастья христианство, как правило, объявляет божьим наказанием или испытанием, учит верующих не противиться, смиряться, терпеть эти ниспосланные богом испытания. Многие верующие сущность любви к людям и видят в том, чтобы научить своего ближнего покорно, безропотно сносить божье наказание. А это воспитывает безволие, пассивность, неспособность справиться с трудностями, лишает человека счастья борьбы и завоевания в борьбе права на счастливую жизнь. Нет, подлинного счастья людям христианская любовь не приносит.

И, наконец, есть ли разница между христианской любовью и любовью к людям в нашем, атеистическом понимании? Не только есть разница, но эти чувства совершенно противоположны. Прежде всего потому, что для верующих основным объектом их любви является бог, для неверующих, атеистов — человек. Христиане, помогая людям, по-своему любя людей, подчиняют богу, его воле не только свою жизнь, свои мысли и надежды, но и жизнь, мысли и надежды тех, кого любят. Для атеистов человек с его потребностями, стремлениями, запросами выше всего, главное всего. Самое главное — это создать для трудящегося человека действительно счастливую жизнь, заботиться о всестороннем удовлетворении его материальных и духовных потребностей, развивать его способности, бороться со всем, что мешает этой полнокровной жизни.

Далее. Христиане, даже искренне помогая людям «во имя бога», видят в каждом человеке одиночку, рас-

сма­три­ва­ют его как бы вне тех усло­вий, в ко­торых он жи­вет. Хри­сти­анин оди­на­ко­вым спо­со­бом бу­дет по­мо­гать и тем, кто стра­да­ет от экс­п­лу­а­та­ции, от на­си­лия, и тем, кто по­тер­пел ка­кое-ни­будь лич­ное горе. И тем и дру­гим хри­сти­анин бу­дет вну­шать оди­на­ко­вые мыс­ли: тер­пи, мо­лись, про­си у бо­га ми­ло­сти, по­ло­жись на его во­лю. Хри­сти­ан­ская лю­бовь очень ог­ра­ни­че­на. Она пре­дус­ма­три­ва­ет в луч­шем слу­чае чув­ство жа­ло­сти, со­чув­ствия, но в ней нет глав­но­го — же­ла­ния и стрем­ле­ния ко­рен­ным об­ра­зом из­ме­нить те усло­вия, ко­то­рые меша­ют че­ло­ве­ку быть по-на­сто­я­ще­му счаст­ли­вым. Хри­сти­ан­ская лю­бовь как бы оста­нав­ли­ва­ется на пол­пу­ти.

Иное де­ло — наш гу­ма­низм. Он рас­сма­три­ва­ет че­ло­ве­ка не толь­ко как лич­ность (хотя и это очень важ­но), но и как чле­на об­ще­ства. Мы счита­ем, что­бы дать сча­стье че­ло­ве­ку, не­об­хо­ди­мо из­ме­нить усло­вия его жи­зни, ос­во­бо­дить его от гне­та, экс­п­лу­а­та­ции, сде­лать так, что­бы каж­дый член об­ще­ства мог сво­бо­дно тру­диться, поль­зо­вать­ся ре­зуль­та­та­ми сво­его тру­да, на­хо­дить при­ме­не­ние сво­им спо­соб­но­стям и скло­н­но­стям на благо свое и ок­ру­жа­ю­щих.

Наше че­ло­ве­ко­лю­бие свя­за­но с борь­бой за че­ло­ве­ка. При этом мы ста­ра­ем­ся не толь­ко са­ми ве­сти эту борь­бу, но звать с со­бой и тех, за ко­го она идет. Мы зо­вем лю­дей не боя­ться труд­но­стей, не по­ко­ря­ться им, не про­сить сми­рен­но по­мо­щи свы­ше, а са­ми­ми пре­одо­ле­вать пре­пят­ствия, ве­рить в свои си­лы. Наша лю­бовь по­мо­гает че­ло­ве­ку осоз­нать свое до­сто­ин­ство, ве­ли­чие сво­его ду­ха, де­ла­ет его хо­зяи­ном сво­ей судь­бы. Хри­сти­ан­ская лю­бовь, на­про­тив, при­ни­жа­ет че­ло­ве­ка, вос­пи­ты­ва­ет в нем по­ко­р­ность, га­сит его внут­рен­ние си­лы, де­ла­ет его пас­сив­ным, без­воль­ным «ра­бом бо­жьи­м».

Поч­ти двад­цать сто­ле­тий су­ще­ствует хри­сти­ан­ство и хри­сти­ан­ская лю­бовь. Что из­ме­ни­ла эта лю­бовь в

жизни людей? Какое счастье им принесла? Помогла ли уничтожить неравенство, гнет, нищету? Предотвратила ли истребительные войны? Да нет! Все оставалось по-прежнему, пока не поднялись на борьбу сами люди, трудовые люди нашей страны, пока не свергли они строй угнетения, создали условия для подлинного счастья трудящихся, открыли дорогу к освобождению всему человечеству. Победа и утверждение нового строя — акт величайшей, подлинной любви к людям. Это не мечты о всеобщей любви, не простое сострадание, а настоящая, действенная, решающая помощь людям.

Любовь к людям — великая сила развития нашего общества, общества, строящего коммунизм. «Все во имя человека, все для блага человека», — провозглашает наша партия. Во имя человека, для блага человека, во имя всех советских людей, их счастья и довольства осуществляют великие свершения в нашей стране, идет самоотверженная борьба за мир, за предотвращение новой войны.

Мы стараемся и в обычной, повседневной жизни научить каждого члена нашего общества думать о других. Для нас важно уметь видеть в своем товарище по работе, соседе, просто знакомом живого человека с его особым внутренним миром, его мечтами, заботами, горестями и радостями, уметь понимать и уважать чувства другого, уметь помогать людям, поддерживать их в трудную минуту.

Интересы общества в целом и каждого его члена для нас едины. В этом — высшее проявление человеколюбия, высшее выражение подлинной любви к людям.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Если пришла беда...	5
Послушаем другую сторону	8
Человеколюбие — чувство земное	9
Любовь божественная и любовь земная	18
Страх, надежда, любовь...	27
Кто твой ближний?	36
Любить и ненавидеть	48
Бороться или смиряться?	51
Так что же это такое — христианская любовь?	59

Хмельницкая Анна Павловна

ХРИСТИАНСКАЯ ЛЮБОВЬ: ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

М. «Московский рабочий». 1970.

64 с.

25

Редактор *О. Горбачева*. Художественный редактор *А. Беднарский*. Техн. редактор *М. Шлык*. Корректор *В. Милегин*. Издательство «Московский рабочий», Москва, пр. Владимирова, 6.

Л 49508. Подписано к печати 16/XII 1969 г. Формат бумаги 70×108¹/₃₂. Бум. л. 1,0. Печ. л. 2,8. Уч.-изд. л. 2,59. Тираж 60 000. Тем. план 1969 г. № 81. Цена 8 коп. Зак. 2797.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 18.

8 коп.

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ